

В. М. Зубарь, М. Ю. Трейстер

ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬОН С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ФОРТУНЫ И ГЛИКОНА ИЗ НЕКРОПОЛЯ ХЕРСОНЕСА*

В 1982 г. в ходе раскопок на территории Западного некрополя Херсонеса, расположенного на восточном склоне Песочной балки (рис. 1), был открыт неограбленный склеп, вырубленный в скале (рис. 2)¹. В склеп с поверхности вел короткий дромос, заканчивающийся входным отверстием, которое было закрыто известняковой плитой. Погребальная камера прямоугольная в плане (3,9 × 3 м), высотой 1,66 м с горизонтальным сводом. В центре камеры при сооружении склепа в монолите скалы был оставлен подпорный столб, с одной стороны которого имелся выступ, использовавшийся для размещения погребального инвентаря (посуда, светильники). В продольных стенах камеры были вырублены две ниши-лежанки, предназначавшиеся для погребений.

В нишах-лежанках и на полу погребальной камеры прослежены плохо сохранившиеся остатки гробов и сильно истлевшие человеческие кости. Анатомический порядок костяков в большинстве случаев проследить не удалось, так как антропологический материал очень плохо сохраняется в известняковой скале (в некоторых районах античного мира для более быстрого разложения тела использовались специальные саркофаги, изготовлявшиеся из особых пород известняка; см. Plin. NH. XXXVI. 131). Погребальный инвентарь из склепа представлен значительным количеством красноглиняной и краснолаковой посуды, светильниками, стеклянными сосудами, разнообразными украшениями, среди которых золотые подвески, серьги, медальоны, а также монеты и золотые индикации монет. По погребальному инвентарю и нумизматическому материалу можно заключить, что склеп был построен, как и большинство аналогичных погребальных сооружений в Херсонесе², на рубеже нашей эры и наиболее интенсивно использовался на протяжении II — начала V в.

Среди многочисленного погребального инвентаря, обнаруженного при расчистке склепа, обращает на себя внимание золотой медальон (рис. 3), найденный в слое затека на северной лежанке вместе с керамикой и светильниками II—III вв. Медальон овальной формы, изготовлен при помощи

* Разделы о раскопках склепа 1982 г. и о контактах Херсонеса с Малой Азией подготовлены В. М. Зубарем, атрибуция и интерпретация подвески и индикации выполнены М. Ю. Трейстером в период работы в Отделении провинциально-римской археологии Университета Фрайбурга (ФРГ) в 1989—1990 гг. (по стипендии Фонда Александра фон Гумбольдта). Авторы выражают искреннюю благодарность Ю. Г. Виноградову и Н. А. Фроловой за консультацию в процессе подготовки статьи.

¹ Зубарь В. М. Раскопки Западного некрополя Херсонеса // АО 1982 г. М., 1984. С. 262 сл. В ближайшее время материалы этого погребального комплекса будут опубликованы полностью.

² Он же. Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. Киев, 1982. С. 26 сл.

Рис. 1. План Западного некрополя Хадрианополя

штамповки: на его лицевой стороне изображена в профиль влево задранированная фигура Фортуны с вытянутой вперед левой рукой; слева у ног наклонно стоит рулевое весло, один из временных атрибутов богини. В правой руке богиня держит рог изобилия, под которым читается изображение, не совсем привычное для сюжетов, связанных с Тяхэ-Фортуной, в котором, однако же, не без труда узнается бородатый змей Гликон. По краю лицевая сторона медальона украшена ложновитым кантом, припаянным к золотой пластине. В верхней части имеется профилированная петля для подвешивания, припаянная к оборотной стороне медальона (рис. 4). Высота медальона с ушком для подвешивания — 22, ширина — 12, толщина — 2 мм³.

Медальоны и подвески овальной и каплевидной формы из золота получили распространение в ювелирном искусстве первых веков нашей эры. В качестве вставок могли использоваться драгоценные или полудрагоценные камни, в том числе геммы (подвеска из Тарса, найденная с монетами Гордиана III⁴; подвески из собрания музея Майнца III в. н. э.⁵; подвеска из клада конца IV в. н. э. в Тетфорде⁶), или золотые же пластинки со штампованными изображениями⁷, а также монеты⁸. Последние начали

³ Медальон хранится в Музее исторических драгоценностей УССР. Инв. № АЗС-3449. Вес 1,71 г, проба 750.

⁴ BMCJ. № 2997. Pl. LXIX.

⁵ Deppert-Lippitz B. Goldschmuck der Romerzeit im Romisch-Germanischen Zentralmuseum. Bonn, 1985. № 11—12. Taf. 6.

⁶ Johns C., Potter T. The Thetford Treasure: Roman Jewellery and Silver. L., 1983. № 40.

⁷ Greifenhagen A. Schmuckarbeiten im Edelmetall. Bd II. B., 1970. S. 38. № 13. Taf. 34 (из Вифинии, I—II вв. н. э.); Deppert-Lippitz. Op. cit. № 13. Taf. 6 (из Карлунта, I—II вв. н. э.).

⁸ BMCJ. № 2938—2940. Pl. LXVIII; Hoffmann H., Claer V. von. Museum für Kunst und Gewerbe Hamburg. Antiker Gold- und Silberschmuck. Mainz, 1968. № 56; Deppert-Lippitz. Op. cit. № 14—16. Taf. 7.

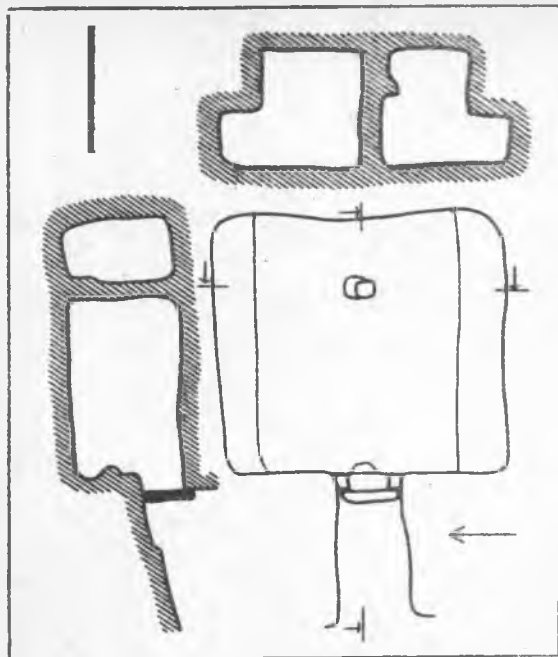

Рис. 2. План склепа 1982 г. на восточном склоне Песочной балки

На штампованных золотых подвесках известны изображения Гелиоса и Сераписа¹³, орла¹⁴, Селены¹⁵, Эроса¹⁶, маски Медузы¹⁷. Изображение, аналогичное публикуемому, нам известно лишь на одном золотом медальоне, происходящем из погребения 4 некрополя Чаталка к западу от Старой Загоры в Болгарии (богатый инвентарь надежно датирует погребение второй половиной II — началом III в. н. э.). Медальон из Чаталки отличается более грубым по сравнению с публикуемым изображением. Он имеет круглую форму, оплетен двойным ложновитым кантом. Золотые медальоны также круглой формы с изображением Фортуны (без Гликона) происходят из раскопок Р. Х. Лепера некрополя Херсонеса. Лицевая сторона одного из них, как уже отмечалось выше, украшена пастовыми вставками. Ввиду того, что материалы раскопок Р. Х. Лепера плохо документированы, Н. В. Пятышева датировала медальоны в пределах довольно широкого хронологического диапазона — I—III вв.¹⁸

¹³ Higgins R. *Greek and Roman Jewellery*. 2nd ed. L., 1980. P. 175.

¹⁴ Greifenhagen. *Op. cit.* Taf. 14, 2—3; Пятышева Н. В. Ювелирные изделия Херсонеса. Конец IV в. до н. э. — IV в. н. э. М., 1956. С. 53. Табл. 12.

¹⁵ AA. 1909. S. 142. Abb. 1.

¹⁶ BMCJ. № 2705. Pl. LVI.

¹⁷ Hoffmann, von Claer. *Op. cit.* № 52.

¹⁸ Deppert-Lippitz. *Op. cit.* № 13. Taf. 6.

¹⁹ BMCJ. № 2892—2893. Pl. LXVIII.

²⁰ BMCJ. № 2890.

²¹ BMCJ. № 2891.

²² О медальоне из Чаталки см. Буюклиев Х. Тракийският могилен некропол при Чаталка, Старозагорски окръг (Разкопки и проучвания, кн. XVI). София, 1986. С. 40. Табл. 14, 157; о медальонах из Херсонеса см. Пятышева. Ук. соч. С. 58—59. Табл. XIII, 1—2.

Рис. 3. а—б. Лицевая сторона золотого медальона из склепа 1982 г.

Рис. 4. а—б. Обратная сторона медальона

Рис. 5—6, а—б. Золотая индикация с монеты Гераклея Понтийской первой половины IV в. до н. э. из склепа 1982 г. (лицевая и обратная стороны)

Культ Фортуны получает широкое распространение в Римской империи с антопиновской эпохи, когда он стал особенно популярен в императорской семье. Известно, что Септимий Север хотел, чтобы золотая статуя Фортуны, которая в свое время стояла в спальне Антонина Пия, а затем перешла к Марку Аврелию, была скопирована для каждого из его сыновей, Каракаллы и Геты (SHA. Severus. XXIII. 5—6; Antoninus Pius. XII. 5)¹⁹. Помимо скульптурных изображений Фортуны сохранилось довольно значительное количество статуэток, главным образом II—III вв. н. э., выполненных из драгоценных металлов²⁰ и бронзы²¹. Изображения Фортуны в глиптике, появившиеся еще в эллинистическую эпоху, получи-

¹⁹ Vermeule C. Greek and Roman Sculpture in Gold and Silver. Boston, 1974. P. 21 f.

²⁰ Ibid. № 63—69.

²¹ Fleischer R. Die römischen Bronzen aus Österreich. Mainz, 1967. № 109. Taf. 59; Kaufmann-Heinimann A. Die römischen Bronzen der Schweiz. Bd I. Mainz, 1977. № 74. Taf. 76 (с библиографией).

ли наибольшее распространение во II в. н. э.²² Маленькие литые фигурки Фортуны из золота и бронзы использовались в качестве подвесок²³.

Изображения стоящей в профиль влево Фортуны с рогом изобилия в левой руке и рулевым веслом в правой, подобные изображению на подвеске из Херсонеса, были достаточно распространены на реверсе провинциальных римских монет (вообще среди изображений божеств в римской провинциальной чеканке Тюхе-Фортуна с рулевым веслом и рогом изобилия была, как отмечает К. Батчер²⁴, наиболее распространенным типом): например в чеканке Транквилины, жены Гордиана III, на Самосе²⁵, Смирны и Ким ок. 244—253 гг.²⁶, в чеканке Галлиена в Сиде (Памфилия)²⁷, Галлиена, Валериана II и Салонины Панемотейха в Писидии²⁸. Как видим, приведенные примеры относятся к чеканке малоазиатских центров второй — третьей четвертей III в. н. э.

О распространении культа Фортуны в Северном Причерноморье свидетельствуют находки двух серебряных статуэток при раскопках святилища на Гурзуфском седле (не опубликованы; хранятся в Ялтинском краеведческом музее), бронзовых статуэток в Горгиипии (не опубликована: Горгиипия, 1980). Заповедник, пом. 58. Оп. 100) и Паптикапее²⁹, а также подвески в виде фигурки Фортуны в Танаисе³⁰.

Из диалога Лукиана «Александр или лжепророк» и некоторых эпиграфических источников известно о том, что Гликон — существо с человеческой головой и телом змеи, был оракулом пророка Александра, происходившего из города Абунотейха в Пафлагонии. Около 163 г. н. э. Александр удостоился императорского декрета о переименовании Абунотейха в Ионополис. Р. МакМаллен связывает распространение культа Гликона с развитием идолопоклонничества в римском обществе³¹.

Автор рассматривает популярность оракула Гликона и его пророка Александра в контексте распространения в Римской империи во II—III вв. н. э. культов Юпитера Долихена и Митры. «Искусное сочетание пифагоризма, мифов об Асклепии, суеверного почитания змей, хоров мальчиков, Гомера и культа Луны, религиозной практики и образа мысли, характерных для северо-восточной периферии античного мира, образовало новое искусственно созданное целое. Эта особенность в некоторых более ранних культах Греции и Малой Азии принимала сходные формы благодаря заимствованиям. Гений Александра из Абунотейха состоял в том, что он по-

²² Roscam P. Intailles inédites des Musées Royaux d'Art et d'Histoire de Bruxelles au type de Tyche-Fortuna // Bulletin de l'Institut Historique Belge de Rome. 1973. V. XLIII. P. 44—47.

²³ ВМЧ. № 3014. Pl. LXIX; Zadoks-Jitta A. N. Roman Bronze Statuettes from the Netherlands. V. I. Groningen, 1967. № 11; Franzoni L. Bronzetti romani del Museo Archeologico di Verona. Venezia, 1973. № 77; Арсеньева Т. М. Работа Нижнедонской экзеквудии // АО 1983 г. М., 1985. С. 105. Рис. 1.

²⁴ Butcher K. Roman Provincial Coins. L., 1988. P. 51.

²⁵ Ibid. P. 85. Fig. 6, 100.

²⁶ Kraft K. Das System der kaiserzeitlichen Münzprägung in Kleinasien: Materialien und Entwürfe. B., 1972. Taf. 10, 76 g — h; Harl K. W. Civic Coins and Civic Politics in the Roma East A. D. 180—275. Berkeley — Los Angeles — London, 1987. Pl. 6, 5—6.

²⁷ Butcher. Op. cit. P. 54. Fig. 5, 49.

²⁸ Harl. Op. cit. Pl. 5, 4; Butcher. Op. cit. P. 41. Fig. 5, 3.

²⁹ Бич О. И. Первые раскопки некрополя Паптикапее // МИА. 1959. № 69. С. 312. Рис. 8, М2.

³⁰ Арсеньева. Ук. соч. С. 105. Рис. 1.

³¹ MacMullen R. Paganism in the Roman Empire. New Haven — London, 1981. P. 98.

чувствовал это, и таким образом это стало общей чертой паганизма в восточных провинциях»³².

Достаточно редкие эпиграфические данные свидетельствуют о распространении культа Гликона во II в. н. э. в Малой Азии, в том числе в Милете, и в Верхней Мёзии, легат которой П. Муммий Сисенна Рутилиан в середине столетия был одним из верных адептов Александра³³.

В 1963 г. в Констанце (Томы) в тайнике среди 24 культовых статуй было найдено колоссальное мраморное изваяние Гликона, датирующееся третьей четвертью II в. н. э.³⁴: это единственная известная культовая статуя. Две бронзовые статуэтки Гликона происходят из Афин, еще две из Дакии: одна была обнаружена в районе лагеря XIII легиона в Альба Юлии и имеет надпись на базе: GLYCONI / M. ANT. / ONESAS / IUSSO DEI / L. P.; вторая, от которой сохранилась лишь часть базы с надписью, была найдена в Апулуме. Анализ надписей свидетельствует о том, что дедиканты были уроженцами Малой Азии, скорее всего Вифинии и Галлатии³⁵. Изображения змея с легендой «Гликон» появляются на монетах Абунотейха-Ионополиса чеканки от Антовина Пия до Требониана Галла (251—253 гг.), а также на монетах Никомедии чеканки Каракаллы и Максимиана, Гангры-Германикополиса в Пафлагонии чеканки Юлии Домны, Тиэиона в Вифинии чеканки Антонина Пия, Пергама — Марка Аврелия, Каллатиса в Мёзии — Септимия Севера³⁶.

Изображения Гликона вместе с другими божествами чрезвычайно редки: упомянем гемму из Антиохии, на которой Гликон предстает Асклепию³⁷. Однако наибольший интерес привлекают две уникальные монеты чеканки Ионополиса времени Александра Севера (222—235 гг.), каждая из которых известна в одном экземпляре.

Бронзовая монета из коллекции Уэдингтона имеет изображение сидящей на троне богини, кормящей из палеры змея. Э. Бабелон считал³⁸, что изображена Тюхе-Фортуна, впрочем эта атрибуция казалась невероятной Л. Роберу, который полагал, анализируя изображение и легенду $\nu\omega\nu\omicron\pi\omicron\lambda\iota\varsigma$ (в отличие от этника $\nu\omega\nu\omicron\tau\omicron\lambda\epsilon\iota\tau\omega\nu$, который встречается на других монетах), что сидящая на троне богиня была персонификацией города Ионополиса³⁹. Однако существует еще одна монета, оставшаяся неизвестной и Г. Борденаче и Л. Роберу — из собрания фон Аулока: на реверсе ее изображена Фортуна с рогом изобилия в левом развороте, а под рогом изобилия, как и на подвеске из Херсонеса, определенно видны голова и туловище Гликона (это не может быть рулем, атрибутом Фортуны, который богиня обычно придерживает другой рукой), не отмеченные авторами публикации, а также легенда $\nu\omega\nu\omicron\pi\omicron\lambda\epsilon\iota\tau\omega\nu$ ⁴⁰. К. Крафт отмечает, что стилистически эта монета отличается от известных монет

³² Ibid. P. 122.

³³ Bordenache Battaglia G. Glykon // LIMC. 1986. V. IV. P. 279 suiv.

³⁴ Robert L. A travers L'Asie Mineure. P., 1980. P. 397. suiv. Fig. 1; Bordenache Battaglia. Op. cit. P. 280. № 1.

³⁵ Culcer A. Cultul lui Glycon la Tomis și la Apulum // Apulum. 1967. V. 6. P. 611—617.

³⁶ Bordenache Battaglia. Op. cit. P. 281. № 6—18; Harl. Op. cit. P. 23; Butcher. Op. cit. P. 30.

³⁷ Bordenache Battaglia. Op. cit. P. 281. № 19.

³⁸ Babelon E. Le faux prophete Alexandre d'Abonotichos // Revue numismatique. 1900. V. 4. P. 1—30; Waddington W. H., Babelon E., Reinach Th. Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure. V. 1. Fasc. 1. P., 1925. P. 170. Pl. XVIII, 20.

³⁹ Robert. Op. cit. P. 400 suiv. Fig. 10.

⁴⁰ Kraft. Op. cit. Taf. 115, 18. См. также: Franke P. R., Leschhorn W., Stylow A. U. Sammlung v. Aulock Index. B., 1981 (SNG Deutschland). № 6797.

чеканки Абунотейха-Ионополиса времени Севера Александра, когда монеты Ионополиса чеканили на том же монетном дворе, что и монеты Тиоса и Амастрии. Напротив, стилистический анализ штемпелей показывает, по мнению К. Крафта достаточно убедительно, что монета была отчеканена в той же мастерской, где и одиовременные монеты Эфеса, Самоса, Магнезии на Меандре и др., которую исследователь условно обозначает «мастерская Эфеса». Монеты Ионополиса в районе Эфеса неизвестны, однако в договоре между Милетом и Пидасой упомянуто место Иониаполис, тогда как в договоре Милета с Гераклеей на Латмосе Латвийский залив назван Ионополийским, а земля этого полиса — Ἰωνοπολίτις. Все указанные наблюдения позволили К. Крафту отнести монету с изображением, аналогичным сюжету на подвеске из Херсонеса к чеканке Ионополиса, расположенного в районе Милета, а не Абунотейха-Ионополиса⁴¹. Вопрос о локализации Ионополиса, чеканившего монету с изображением Фортуны и Гликона, чрезвычайно важен для выводов нашей работы. Несмотря на опубликованные в последнее время материалы, свидетельствующие о важной роли Херсонеса в северочерноморской торговле первых веков н. э.⁴², трудно допустить, чтобы херсонесский мастер использовал столь редкий даже для Малой Азии сюжет, не говоря уже о Северном Причерноморье, где изображения Гликона до сих пор не были известны⁴³. Вероятнее всего, публикуемая подвеска была выполнена мастером-торевтом, либо знакомым с этим сюжетом, либо что еще более вероятно, вырезавшим штемпель для чеканки монеты. Не случайно монеты-подвески имеют оправы, аналогичные использованным для резных камней и штампованных золотых пластин: надо полагать, что изготовление хотя бы части таких монет-подвесок могло быть побочным ремеслом монетариев. Таким образом, есть весомые основания датировать подвеску из Херсонеса временем Александра Севера и предполагать ее изготовление в так называемой мастерской «Эфеса» в Ионии.

Херсонес на протяжении римского периода своей истории был тесно связан с античными центрами Малой Азии. Так, в середине II в. при содействии Гераклеи Понтийской, с которой город поддерживал разносторонние связи и знатные жители которой, вероятно, смогли повлиять на положительное решение этого вопроса⁴⁴, город получил от Антонина Пия права элевтерии⁴⁵. В первых веках нашей эры в Херсонесе жили и умирали выходцы из Малой Азии, о чем убедительно свидетельствуют строительная надпись и надгробия уроженцев Гераклеи Понтийской и Амастрии, а также просопографический материал⁴⁶.

Важное место занимала Малая Азия и во внешнеэкономической деятельности Херсонеса. Уже во второй половине I в. до н. э. началось

⁴¹ Ibid. S. 99 f. См. также: Milet. I, 3, № 149. 45; 150. 103—106.

⁴² Treister M. Ю. Бронзовая матрица из Херсонеса // Археология. 1991. № 1; Treister M. Ju. Bronze Matrix from Chersonessus // Bayerisches Vorgeschichtsblätter. 1990. Jg. 55; Treister M. Ju., Zolotarev M. I. Moulds for Casting of Matrices for Roman Relief Mirrors from Chersonessus // Acts of the XIth International Congress on Classical Bronzes, Madrid, 28—31 May 1990.

⁴³ Единственным исключением служат изображения Гликона на монетах Ионополиса. В материалах раскопок Херсонеса, по данным Л. М. Гилевич (Античные иногородние монеты Херсонеса // НСФ. 1968. Вып. III. С. 49), имеются четыре монеты Ионополиса, в том числе две — чеканки Антонина Пия с изображением Гликона на реверсе (BMC Pontus P. 83. № 1).

⁴⁴ Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948. С. 108; Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981. С. 26.

⁴⁵ IOSPE. I². № 362.

⁴⁶ IOSPE. I². № 445, 542—545.

оживление внешней торговли, причем наиболее устойчивые экономические связи город поддерживал с античными центрами, расположенными на южном берегу Понта⁴⁷. В дальнейшем экономические связи с Малой Азией продолжали укрепляться и через античные центры Южного Причерноморья в I в. поступала продукция с восточного побережья Эгейского моря⁴⁸. Во II—III вв. благодаря стабилизации военно-политического положения вокруг города, что в первую очередь было связано с присутствием в Херсонесе римского гарнизона, экономические связи с южнопонтийскими центрами еще более укрепились⁴⁹, о чем свидетельствует не только археологический материал, но и проксеии, данные во II в. уроженцам Гераклеи Понтийской, Синопы, Амиса, Амастрии и Тия⁵⁰. Именно через эти центры поступал импорт из Сирии, Восточного Средиземноморья и малоазийских провинций Римской империи⁵¹. При этом следует подчеркнуть, что во второй половине II в. из состава привозных товаров исчезают киридские и эфесские светильники, а керамическая продукция Самоса становится очень редкой, хотя ввоз продукции пергамских мастеровских фиксируется и в III в.⁵² На основании имеющегося материала можно заключить, что во второй половине II — первой половине III в. торговля и разнообразие связи Херсонеса с этим районом достигли своего апогея⁵³.

Из вышеизложенного следует, что в первые века нашей эры Херсонес поддерживал устойчивые связи с античными центрами Южного Причерноморья и Малой Азии, через которые в город поступала продукция из более удаленных мест, в том числе из Восточного Средиземноморья (Ионии?) и даже Аттики⁵⁴.

Еще одним уникальным памятником, найденным в одном комплексе с публикуемым медальоном, является золотая двусторонняя индикация диаметром 15 мм с серебряной монеты Гераклеи Понтийской первой половины IV в. до н. э. (рис. 5—6)⁵⁵. Определить место и время изготовления индикации с гераклеийской монеты представляется сложной задачей.

Публикуя античные иногородние монеты, найденные в Херсонесе, А. М. Гилевич в качестве важного обстоятельства отмечает полное отсутствие здесь монет Гераклеи и Синопы домитридатовского времени — все семь известных гераклеийских монет относятся к I—III вв. н. э.⁵⁶ Полное отсутствие находок гераклеийских монет домитридатовского времени как будто бы исключает возможность того, что индикация могла быть сделана в Херсонесе. Однако не будем забывать о влиянии монетных типов Гераклеи на становление херсонесской чеканки IV в. до н. э.⁵⁷ Надо полагать,

⁴⁷ Сорочан С. Б. Зовнішня торгівля Херсонеса Таврійського в I ст. до н. е. // Вісник ХДУ. 1980. № 201. С. 75—77.

⁴⁸ Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. — V в. н. э. Харьков, 1989. С. 19—39.

⁴⁹ Кадеев В. И. Очерки истории экономики Херсонеса I—IV вв. Харьков, 1970. С. 142—144.

⁵⁰ *JOSPE*. I². № 357—359, 364; ВДИ. 1960. № 3. С. 154 сл.: НЭПХ. I. 7.

⁵¹ См. Кадеев, Сорочан. Ук. соч. С. 18.

⁵² См. Сорочан С. Б. Імпортні світильники як джерело вивчення торговельних зв'язків Херсонеса із Східним Середземномор'ям // Вісник ХДУ. 1978. № 167. С. 48.

⁵³ Ср. Кадеев, Сорочан. Ук. соч. С. 58 сл.

⁵⁴ См. Зубарь В. М., Сорочан С. Б. Новый погребальный комплекс II—IV вв. и экономическое развитие Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н. э. Киев, 1986. С. 127.

⁵⁵ См. Waddington W. H., Babelon E., Reinach Th. Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure. V. 1. Fasc. 2. Pont et Paphlagonie. P., 1908. Pl. LV, 26.

⁵⁶ Гилевич. Ук. соч. С. 19, 21.

⁵⁷ См. Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. — XII в. н. э.). Киев, 1977. С. 18—22.

что херсонесские резчики штемпелей держали в руках гераклейские монеты. В пользу Херсонеса как возможного места изготовления индикации свидетельствует и тонкое наблюдение М. И. Ростовцева об оттиках с монет на погребальных венках, найденных в пантикапейском некрополе. Характерно, что после оттисков с монет эпохи Динамии, Аспурга и Митридата VIII, использование которых для погребальных целей ученый объясняет содержанием типа, имеется серия оттисков с монет римских императоров, особенно представительная для III—IV вв. Аналогичное явление наблюдается и на венках IV—II вв. до н. э. из некрополя Пантикапея, на которых абсолютно преобладают оттиски с монет других греческих городов и эллинистических царей. «Не считалось ли изготовление погребальных „индикаций“ с местных монет дурным омен и не было ли оно запрещено?», — замечает М. И. Ростовцев⁵⁸.

Вторым существенным моментом является колоссальная хронологическая разница — не менее чем в шесть столетий между датой монеты, с которой была сделана индикация, и остальным инвентарем склепа, в том числе публикуемым медальоном. Итак, когда же была сделана индикация? По мнению М. И. Ростовцева, основная масса происходящих из погребений оттисков хронологически близка монетам, что подтверждается совместными находками одновременных оттисков и монет в погребениях⁵⁹. Если принять эту точку зрения, то становится маловероятным предположение о том, что индикация была изготовлена в связи с погребением, совершенным в первые столетия н. э. Кроме того, в отличие от известных находок индикаций, игравших определенную роль в погребальном обряде, публикуемая нами находка — двусторонняя и, таким образом, она могла иметь иное функциональное назначение. Итак, можно с определенной долей вероятности предположить, что мы имеем дело с двусторонней индикацией, изготовленной в IV в. до н. э. в Херсонесе. О причинах же попадания индикации в склеп остается только догадываться.

THE GOLD MEDALLION DEPICTING FORTUNA AND GLYCON, FROM THE CHERSONESUS NECROPOLIS

V. M. Zubar', M. Yu. Treister

The article concentrates on the find from an unpillaged burial vault of the first centuries A. D., from the Chersonesus' Western necropolis. It is a gold medallion with a stamped depiction of Fortuna with the horn of plenty and a steering oar and Glycon, the bearded serpent and oracle of the prophet Alexander from Abouoteichos in Paphlagonia. It examines the analogous medallions from the first centuries A. D., including the ones from the Northern Black Sea littoral, and the specimens depicting Fortuna from R. Kh. Lopen's excavations in Chersonesus. The article analyses the dissemination of the motifs of Fortuna and Glycon and turns its attention to their depiction on coins minted during the times of Alexander Severus. The authors conclude that there is sufficient evidence to date the pendant found in the Chersonesus necropolis from the time of Alexander Severus, and they suggest that it was manufactured in the so-called Ephesus workshop in Ionia (according to K. Kraft's classification). The examination of material linking Chersonesus and Asia Minor during the first centuries A. D. leads the authors to the conclusion that Chersonesus had developed steady contacts with the ancient centres of the Southern Black Sea littoral, including the Ionian ones.

In the last part of the article, they examine a unique, double-sided indication from a silver coin minted in Heraclea Pontica dated from the first half of the IV-th century B. C. This coin was found in the same burial vault as the medallion.

⁵⁸ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. II., 1925. С. 232.

⁵⁹ Там же. С. 226 сл.